

сатиру и выступивший против того типа журналиста, развлекающего публику, который олицетворял Чулков. Весь начальный пассаж предисловия к «Пустомеле» имеет в виду прежде всего Чулкова. «Мне <...> несносны те авторы, которые сочинения свои начинают вздором, вздором наполняют и оканчивают вздором. Пишут все, что ни попадет; спорят, критикуют, решат и, запустившись в мыслях, изъясняются весьма неясно: тут следуют у них сухие шутки, будто оставлены темные места на догадку читателя; но если сочинитель по чистой совести захочет признаться, то скажет, что и сам он того не понимает; итак останется истинная причина, что яснее не мог того написать. Многие ныне принимаются писать, думая, что хорошо сочинять так же легко, как продавать <...> мелочные товары, коими щепетильники торгуют в деревнях <...> Но чтобы уметь хорошо сочинять, то потребно учение, острый разум, здравое рассуждение, хороший вкус, знание свойств русского языка и правил грамматических и, наконец, истинное о вещах понятие; все сие вместе есть искусство хорошо писать и в одном человеке случается весьма редко <...> Кто пишет, не имевши дарований и способностей, составляющих хорошего писателя, тот не писатель, а бумагомаратель» (СЖ, с. 252).

Упоминание о «щепетильнике» прямо указывало на «Парнасский щепетильник» Чулкова. Остальные замечания продолжали насмешки над мелкотемьем «И то и сьо» в «Трутне», где Чулков характеризовался как писатель, забавляющий малосмысленных людей рассказыванием сказок. Его балагурный стиль, заявления о себе самом, что хотя он «разумен и политичен», но это не правда, «а походит на очевидную ложь», «прилежит к словесным наукам, но только к тем, которых не понимает», иносказания и прямые загадки, ходячие анекдоты, оформленные как повестушки, перебранка с современниками — все это вместе взятое и определяющее внешнее лицо журнала давало основание для определения Новикова. «И то и сьо» ввиду установки на развлекательность было в большей степени собранием «всякой всячины», чем одноименный журнал. В качестве примера нарочито темных мест можно привести «Выдумку» (л. 2), смутное иносказание о том, «что бы ни я, ни читатель понять не могли», или заключительный анекдот журнала о «переводчике» слепых (л. 51—52).

Собственно, сатирическое описание «перестроенного» Парнаса в «Пустомеле» является пародийным переосмыслением объявленной в «Щепетильнике» торговли стихотворцами. В соответствии с тем, как у Чулкова Аполлон определяет стихотворцев дьячками, старостами и выборными, «автор» Новикова называет бога поэзии «парнасским комиссаром у приему всех сочинений новых стихотворцев», говорит о назначении Пегаса «щепетильником», которому поручает продавать по деревням «билетцы, эпитагмы, загадки, песенки, эпитафии и прочие мелочные стихотвореньица» (СЖ, с. 254—256). Кстати, в «Стихах на семик» Чулков от собственного лица писал о такой же мелочной распродаже: